ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 38 Понедѣльникъ, 17 (30) октября 1905 г. № 38

Дѣтскіе клубы.

Много-ли такихъ счастливыхъ родителей, которые въ состояніи дать дѣтямъ здоровое физическое и нравственное воспитаніе?

Многіе-ли могутъ удѣлить,—даже просто удѣлить имъ—свое время отъ тяжелой борьбы за существованіе, которую ведутъ не только рабочіе классы, но и большая часть интеллигенціи?

Многіе-ли въ состояніи дать дѣтямъ хоть свѣтлую съ чистымъ воздухомъ комнату, гдѣ они могли-бы играть, общаться съ сверстниками, дѣлиться впечатлѣніями, читать вмѣстѣ.

Многіе-ли, даже изъ тѣхъ, кто имѣетъ на это средства, понимаютъ всю важность воспитанія и умѣютъ это толково дѣлать?

Безъ преувеличенія можно сказать, что большая часть дѣтей выростаетъ въ нездоровыхъ условіяхъ жизни, предоставленныя самимъ себѣ. Ихъ духовный міръ складывается подъ вліяніемъ случайныхъ условій той среды, гдѣ они растутъ, безъ разумнаго руководительства, безъ системы, часто безъ единой ласки и привѣта, безъ единаго свѣтлаго воспоминанія, безъ какихъ-либо нравственныхъ устоевъ.

Съ дѣтства уродуется ихъ внутренняя жизнь, вмѣстѣ съ тѣломъ, развивающимся безъ свѣжаго воздуха, свѣта, въ душныхъ дѣтскихъ у избранныхъ, или просто въ углахъ подваловъ, или чердаковъ, гдѣ ютится городской рабочій людъ.

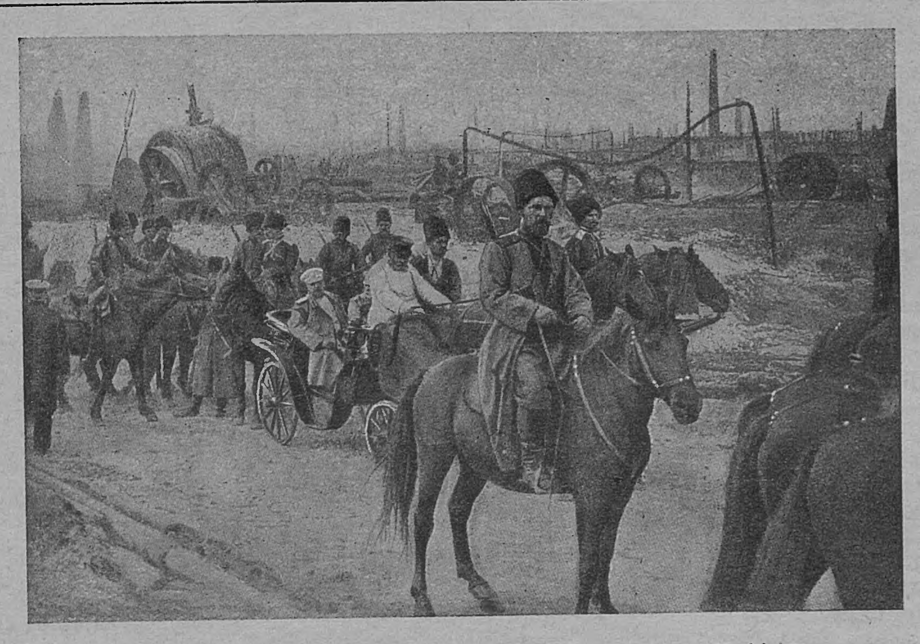
Душно и тускло живется дѣтямъ, выростающимъ безъ единаго свѣтлаго воспоминанія.

А потомъ—изъ нихъ выходятъ люди, принимающіеся за жизненное ярмо безъ надежды и радости.

Иностранцы, пріѣзжая къ намъ, поражаются видомъ нашей толпы даже въ праздники.

Полицейскій гнетъ государства, тяжелое, хмурое дѣтство придавливаютъ человѣка. Онъ рано съеживается, уходитъ въ себя, смотритъ изъ-подлобья, рано старится и перестаетъ чему-либо вѣрить, ибо ничего, кромѣ гадостей, обмана и жестокости не ждетъ отъ встрѣчныхъ, отъ „ближнихъ своихъ", отъ разнаго чина и наименованія начальства.

Потому, когда встрѣчаются у насъ бодрые, сильные люди, когда слышатся свѣжія, смѣлыя мысли,—онѣ рѣжутъ непривычное ухо.

Къ событіямъ на Кавказѣ.—Намѣстникъ Кавказа, гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ, осматривающій нефтяныя вышки въ Балаханахъ.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Засѣданіе земскихъ и городскихъ уполномоченныхъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ кн. П. Д. Долгорукаго.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

И не только однихъ блюстителей благочинія.

Измѣнить эти условія жизни, придавливающія и убивающія человѣка, измѣнить экономическія и соціальныя условія—безсильны, конечно, единичныя усилія.

Но изъ малыхъ ручьевъ образуются рѣчки, рѣки, моря и океаны.

Много дорогъ къ достиженію той свѣтлой, справедливой, свободной и радостной жизни, о которой давно мечтаетъ человѣчество.

Послѣднее полстолѣтіе особенно богато стремленіями переустроить жизнь по новому. Теперь, кромѣ интеллигенціи, во всѣхъ странахъ за это взялись или берутся и рабочія массы, самъ народъ.

Среди этихъ попытокъ добиться лучшей жизни хоть для дѣтей и внуковъ заслуживаютъ вниманія не только проявленія политической или экономической борьбы, но и всякія попытки къ измѣненію условій воспитанія, идущихъ на смѣну поколѣній.

Въ Москвѣ, по почину инженера А. У. Зеленко и агронома С. Т. Шатскаго, возникъ кружокъ, задавшійся цѣлью помочь воспитанію дѣтей городской трудящейся бѣдноты (фабричныхъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ и т. д.).

Добрый человѣкъ А. М. Пфеферъ отдалъ для дѣтской колоніи-дачи свой домъ на рѣкѣ Клязьмѣ въ с. Шелковкѣ, по ярославской желѣзной дорогѣ, съ садомъ и землей. Имъ взялась помогать трудомъ бывшая учительница Л. К. Шлегеръ, а матеріально—кромѣ г. Пфефера—И. И. Егоровъ, В. Ф. Кельинъ, И. Н. Струковъ, Л. П. Останина и другіе.

Дѣтей (9—15 л.) набрали черезъ городскія попечительства изъ самыхъ бѣдныхъ семействъ, изъ наиболѣе нездоровыхъ „угловъ".

Они сами исполняли всѣ работы по огороду и кухнѣ, убирали за собой и слѣдили за порядкомъ.

Никто изъ старшихъ не наказывалъ ихъ, не дѣлалъ выговоровъ. Проступки членовъ колоніи дѣти разбирали сами и товарищескимъ судомъ опредѣляли свои наказанія больше нравственнаго свойства: назначенія безъ очереди на дежурства и т. д.

Юные колонисты собственными силами обработали землю, устроили грядки, посѣяли и убрали разныя овощи для себя, соорудили террасу и т. д.

Дружно, тепло и хорошо жилось имъ... Подвальные жители скоро приспособились къ новой обстановкѣ и одинъ передъ другимъ старались быть лучше, исполнительнѣе, трудолюбивѣе, деликатнѣе.

Очередь на работы и дежурства соблюдали и взрослые. И когда разъ г. Шатскій (руководитель) плохо убралъ комнаты—дѣти обсудили его поступокъ и откровенно сдѣлали ему замѣчаніе.

Особенно всполошилъ всѣхъ случай, когда одинъ изъ ребятъ сорвалъ у сосѣдки огурецъ.

Мучилъ всѣхъ этотъ поступокъ. Долго о немъ судили, рядили и, наконецъ, порѣшили послать къ сосѣдкѣ виновнаго купить десятокъ огурцовъ, а затѣмъ возвратить ей, съ извиненіемъ, самовольно сорванный огурецъ.

Такъ и было сдѣлано. Возвратить послали провинившагося. Сосѣдка огурца, конечно, не взяла. Но вина была искуплена, и болѣе подобныхъ случаевъ не повторялось.

Одному изъ ребятъ было дано порученіе за какими-то покупками. Онъ не принесъ ихъ во-время, такъ какъ зазѣвался и пропутался лишній часъ.

Товарищи не простили даже такой мелочи въ нарушеніи порядка и своимъ судомъ приговорили его къ лишнему дежурству на кухнѣ. Виновный подчинился приговору безпрекословно.

Столъ былъ простой, но здоровый и питательный.

Дѣтей обучали географіи, началамъ физики, химіи и ботаники. Съ ними дѣлали экскурсіи въ луга, въ лѣсъ и т. д., объясняя имъ окружающую природу. Въ ненастные дни играли на рояли, пѣли хоромъ, читали вмѣстѣ. Нѣкоторые къ концу лѣта выучились недурно разбирать ноты и даже играли въ четыре руки. Составился также весьма порядочный хоръ.

По праздникамъ въ эту лѣтнюю школу-колонію пріѣзжали бѣднѣйшіе ученики изъ городскихъ училищъ, по указанію попечительствъ. Играли вмѣстѣ, пѣли, гуляли, а также слушали лекціи на дачѣ и всякія объясненія во время экскурсій.

Въ первое воскресенье пріѣзжихъ было всего 20, а потомъ дошло до сотни и болѣе.

За лѣто въ колоніи перебывало болѣе тысячи дѣтей.

Желѣзная дорога, съ разрѣшенія министра путей сообщенія, давала экскурсантамъ 1—2 вагона по праздникамъ безплатно.

А о кормленіи ребятишекъ, объ ихъ занятіяхъ и развлеченіяхъ заботился кружокъ, устроившій эту дѣтскую колонію.

Славно чувствовали себя ребятишки, ожили, загорѣли, читали охотно, всѣмъ интересовались...

Вчерашней постылой дѣйствительности словно бы и не существовало.

Радовались дѣти, радовались и ихъ родители.

Но чудный, прекрасный сонъ проходилъ. Приближалась осень. Приходилось разставаться и опять возвращаться въ свои сырые и грязные углы чердаковъ и подваловъ. Поприуныли дѣти. Пахнувшая на нихъ, было, весна жизни пронеслась такъ быстро...

Устроители предвидѣли это. У нихъ уже былъ заготовленъ снятый на частныя средства домъ въ Москвѣ (по Долгоруковской улицѣ, въ Тихвинскомъ переулкѣ, домъ Фетисова) съ обширнымъ дворомъ и площадкой для игръ.

Здѣсь устроился постоянный зимній дѣтскій клубъ.

Они приходятъ сюда послѣ занятій. Около часа съ ними ведутся научныя занятія, показываются различные опыты по физикѣ и химіи, даются объясненія. Потомъ играютъ: на улицѣ—въ разныя игры и въ комнатахъ, для чего имѣются шахматы, шашки, домино, лото, мячи и т. д. Поютъ подъ рояль, играютъ на немъ.

Учить музыкѣ взяла на себя окончившая консерваторію В. Н. Демьянова. А къ прежнему кружку руководителей прибавились новыя силы—К. А. Фортунатовъ, О. В. Гиршъ, Е. Я. Казимірова.

Они слѣдятъ за психологіей дѣтей, дежурятъ по очереди, посѣщаютъ ихъ семьи.

Ребята сами выбрали изъ своей среды предсѣдателя и секретаря клуба. Сами они попрежнему, какъ и лѣтомъ, наблюдаютъ за порядкомъ.

Въ будущемъ устроители, дѣйствующіе отъ лица Сущевскаго попечительства (2-го и 3-го участковъ), предполагаютъ создать при клубѣ „сеттельментъ", подобно существующимъ въ Англіи, для оказанія всякаго рода помощи бѣднотѣ: юридической, медицинской, образовательной и т. д.

Разумѣется, если не помѣшаютъ „независящія обстоятельства" или полицейское усердіе какого-нибудь казеннаго педагога, который пожелаетъ „упорядочить" это дѣло.

Отъ такихъ „содѣйствій" гибла уже не одна сотня подобныхъ починовъ и воскресныхъ школъ по всей Россіи. Пока же—„Богъ милуетъ".

Новые члены принимаются въ клубъ, послѣ 1—2 недѣль испытанія, баллотировкой, самими ребятами.

Въ первый же мѣсяцъ въ дѣтскомъ клубѣ уже 70 новыхъ членовъ.

Театръ Корша и товарищество оперы Зимина предоставили въ распоряженіе клуба первый двадцать мѣстъ, а второе—десять.

Дѣти ходятъ туда съ руководителями по очереди и сами ведутъ ее.

Такіе же дѣтскіе клубы собираются устроить попечительства: Арбатское, Пятницкое и другія, пока ими не будетъ заполнена вся сѣть попечительствъ Москвы.

Надо ли прибавлять, насколько желательны подобные дѣтскіе клубы всюду, гдѣ найдутся добрые и просвѣщенные люди, чтобы ихъ поставить и вести!

И обязанность всѣхъ, кому дорога дѣтская жизнь,—защитить ихъ отъ непрошенныхъ опекуновъ и уродованія.

В. Анзимировъ.

Изъ писемъ Антокольскаго.

Въ недавно изданной книгѣ объ М. М. Антокольскомъ В. В. Стасовъ говоритъ: „въ душѣ Антокольскаго были глубоко заложены элементы еврейской натуры и чувства, картины еврейской жизни, среди которой протекли его дѣтскіе и отроческіе годы". А эти „картины еврейской жизни" въ 40-хъ годахъ (Антокольскій родился въ 1843 г.) прекрасно изобразилъ г. Богровъ въ разсказѣ „Пойманникъ" („Еврейская библіотека", 1873 годъ т. IV), гдѣ сказано: „всякій еврей, какого бы возраста ни былъ, попавшійся безъ письменнаго вида, сдавался (тогда) въ рекруты безъ всякаго суда и слѣдствія... Всякій, словившій безпаспортнаго еврея, могъ сдать его въ рекруты за свой счетъ... Завелся торгъ людьми, торгъ рекрутскими квитанціями. Охотились на безпаспортныхъ, какъ на дикихъ звѣрей... Сдавались старъ и младъ. Власти не внимали никакимъ жалобамъ, мольбамъ, доводамъ и протестамъ жертвъ насилій... Страшная исправительная мѣра противъ уклоненій евреевъ отъ военной службы была уничтожена въ началѣ царствованія Александра II".

Антокольскій всю жизнь помнилъ эту ловлю безпаспортныхъ евреевъ, какими могли сдѣлать любого изъ нихъ при полицейскомъ подкупѣ и произволѣ того времени. Ему самому въ дѣтствѣ приходилось прятаться въ домѣ одного христіанина и тѣмъ избѣжать участи „пойманника". Естественно, что онъ принималъ близко къ сердцу и дальнѣйшія гоненія на евреевъ. Изъ Біаррица, отъ 26-го іюля 1882 г., онъ пишетъ Стасову: „если бы вы знали, какія нравственныя муки я пережилъ въ послѣдніе два года, какія адскія мучительныя раны я носилъ въ душѣ, благодаря тѣмъ позорнымъ поступкамъ, которые русскій, хотя и темный, народъ совершалъ надъ евреями. Если бы вы знали, какъ больно разочаровываться въ своемъ идеалѣ, который ты лелѣялъ, любилъ и считалъ лучшей будущностью человѣчества, и что же—вотъ этотъ идеалъ дико хохочетъ тебѣ въ глаза и безпощадно бьетъ тебя по лицу, топчетъ и унижаетъ тебя. Вотъ это все способно свалить не только меня, нервнаго, но и всякаго, даже не чувствительнаго человѣка. И вѣрьте мнѣ, мой дорогой дядя, если бы у меня не было сознанія, что такъ поступаютъ люди, которые не вѣдаютъ, что дѣлаютъ, и бьютъ себя еще больше, чѣмъ другихъ; если бы у меня не было убѣжденія, что въ Россіи есть еще достаточно здравомыслящихъ людей, которые сумѣютъ, въ концѣ-концовъ, дать отпоръ этому дикому средневѣковому безумію—повторяю, если бы

не это, тогда я проклялъ бы все человѣчество".

Не менѣе трогательны письма Антокольскаго въ 1881 году къ И. С. Тургеневу по еврейскому вопросу. Въ нихъ, между прочимъ, онъ пишетъ: „тяжело становится, когда думаешь, что тѣ же люди, которые такъ недавно возмущались ужасами болгарскихъ бѣдствій и съ порывомъ великодушія жертвовали всѣмъ для освобожденія болгаръ, для доставленія имъ человѣческихъ правъ, что они же остаются теперь равнодушными зрителями всѣхъ ужасовъ, совершающихся у насъ на югѣ.

Я бы не хотѣлъ допустить мысли, что молчаніе или равнодушіе есть въ данномъ случаѣ знакъ согласія. Но какъ же его иначе объяснить, и отчего допустить Европѣ упрекать, что русскіе хуже турокъ. Намъ отвѣтятъ, что „ненависть къ евреямъ племенная и происходитъ отъ экономическихъ условій,—ненависть, которую каждый всасывалъ съ молокомъ матери". Но, вѣдь, и турки говорили чуть-ли не то же самое и, однако, Европа не приняла этого оправданія.. Когда французскому художнику, дѣдушкѣ Каро, сообщили, что дерутся на баррикадахъ, онъ пренаивно, но мѣтко замѣтилъ: „Должно быть, не хорошо живется". Но кого можно теперь убѣдить въ этомъ, когда народныя страсти забушевали, когда часть интеллигенціи или одобряетъ, или сердится на явленія, не видя причины, когда извѣстная часть печати превратилась въ аферу, разжигаетъ страсти, когда нужно ихъ тушить. А человѣку простому легче катиться съ горы, чѣмъ карабкаться на нее. Такихъ людей легче испортить, чѣмъ исправить. Но какое дѣло до этого русскому Яго: онъ правъ по своему, когда драпируется въ патріотическую тогу и всѣми чистыми и нечистыми средствами агитируетъ противъ ненавистнаго ему жида. Сотни разъ онъ обвинялъ евреевъ въ разныхъ нелѣпостяхъ и всегда успѣшно; сотни разъ его опровергали. „Евреи высасываютъ кровь изъ народа",—агитируетъ онъ. —„евреи шинкари, процентщики". Но развѣ народу живется легче тамъ, гдѣ еврея нѣтъ, и развѣ тамъ пьютъ меньше? Кто проценты не беретъ? Отвѣчали ему: берутъ банки и государства. Еврейскіе проценты не выгодны, то пускай откроютъ мелкій кредитъ для бѣдныхъ. Далѣе: „Евреи опасные конкурренты для русской торговли"—тѣмъ же лучше для покупателей, отъ этого все становится дешевле, а не дороже. „Еврей избѣгаетъ воинской повинности, обходитъ законы, даетъ подкупъ и представляетъ опасную кооперацію", „государство въ государствѣ"!—Но кого защищать? Отечество, котораго за нимъ не признаютъ? Дайте имъ гражданство и не будетъ подобности обходить законъ; наконецъ, будто одни евреи только и даютъ взятки. Да и отчего начальство беретъ? Вѣдь, оно-то и должно подавать народу примѣръ правды и справедливости. Поднимите уровень образованія, дайте чиновникамъ возможность жить лучше, и тогда зла будетъ относительно меньше, какъ мы видимъ это въ міровыхъ учрежденіяхъ. Отнимите карантинныя цѣпи отъ ихъ „осѣдлости", и тогда не будетъ тѣсноты, отчаянной конкурренціи и ненависти другъ къ другу, доводящей до столь звѣрскихъ поступковъ. Развѣ интеллигентный еврей не стремится къ объединенію съ русскими? Развѣ онъ не трудится въ пользу общества? Развѣ онъ не чувствителенъ ко всякимъ обидамъ? „Когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ и когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомщаемъ?" (Монологъ Шейлока). Но будьте христіанами, любите правду, будьте великодушны къ своимъ и къ чужимъ бѣдамъ. Мы всѣ страдаемъ общимъ недугомъ. Намъ всѣмъ нужно одинаковое радикальное излѣченіе".

Въ другомъ письмѣ къ Тургеневу по поводу еврейскихъ погромовъ, встрѣчаются такія же горячія мѣста: „Гдѣ же правда, совѣсть, жалость? Гдѣ же христіане, гдѣ религія, проповѣдующая „любить ближняго, какъ самого себя" и „у кого нѣтъ грѣха, пускай возьметъ первый камень" и т. д. Гдѣ передовые люди интеллигенціи? Никто не промолвился ни однимъ словомъ сочувствія, ни однимъ словомъ протеста, если не въ пользу евреевъ, то по крайней мѣрѣ хоть для того, чтобы смыть то позорное, кровавое пятно, которое положено на нашъ вѣкъ, на все человѣчество вообще, и на Россію въ особенности. Неужто все, чему насъ учили въ школахъ и въ церквахъ о правдѣ, нравственности, религіи и о всемъ добрѣ, которое дорого человѣчеству, неужто все это ложь, ложь и одна только ложь,—или же что то поверхностное, лишнее, которое стряхивается при малѣйшей бурѣ человѣческихъ страстей? Неужто вся наша цивилизація, вся наша гуманность только маска, подъ которой скрывается алчный эгоистическій звѣрь? А вы, либералы, и вы, старецъ-поэтъ, смягчающій наши нравы, учащій насъ всю свою жизнь любви и прощенію, неужто не содрагается у васъ сердце, не вырывается крикъ ужаса при видѣ того, какъ все это осмѣяно и опозорено шайкою фарисеевъ, которая толкаетъ восьмидесяти-милліонный народъ въ пропасть, создаетъ смуты и междуусобія, и все для того только, чтобы извлекать матеріальную пользу для себя. Но оставимъ идеальныя требованія, перейдемъ на реальную почву и спросимъ, чего желаютъ наши псевдо-патріоты? Достигнуть единства? — Очень хорошо! Но, во-первыхъ, это не такъ легко, особенно насильственными мѣрами, да притомъ—какая польза будетъ отъ этого русскому народу? Фердинандъ католикъ, благодаря настойчивымъ требованіямъ инквизиторовъ, выгналъ всѣхъ евреевъ и мавровъ, чтобы охранять католическую религію и этимъ достигнуть единства, но послѣ этого страна пала... И теперь та же Испанія приглашаетъ къ себѣ тѣхъ же, когда то изгнанныхъ евреевъ, какъ будто для того, чтобы загладить историческія ошибки, но, въ сущности, для того, чтобы поднять и оживить торговлю и промышленность. Недавно еще турки побоялись поднять знамя пророка, несмотря на то, что ихъ положеніе было крайне критическое; побоялись потому, что это орудіе обоюдо-острое. Но урокъ-ли это нашимъ охранителямъ престола и отечества? Положимъ, что имъ удастся достигнуть своей цѣли—выжечь изъ своихъ мѣстъ всѣхъ неправославныхъ—и все-таки единство не будетъ достигнуто просто потому, что абсолютнаго единства нѣтъ въ природѣ.

Исторія всѣхъ народовъ учитъ насъ, что политическія страсти не менѣе сильны, чѣмъ религіозныя, что за политическія идеи ведется не менѣе отчаянная борьба, чѣмъ за идеи церковныя. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ элементы для подобной борьбы быстро растутъ, какъ и сами охранители престола создаютъ безпорядки и разладъ. Каждый ихъ нелогичный поступокъ создаетъ массу враговъ, каждый несправедливый поступокъ создаетъ революціонеровъ, каждое жестокое дѣйствіе рождаетъ нигилистовъ, уже не однихъ пролетаріевъ. Бѣдствія, которыя испытаетъ Россія, и ихъ послѣдствія падутъ на тѣхъ, кто создаетъ разладъ между престоломъ и его интеллигентными подданными, кто сталъ лжепророкомъ, говорящимъ во имя народа, и на тѣхъ, на чьей совѣсти лежатъ сотни тысячъ невинныхъ смертей".

Патріотизмъ Антокольскаго на защиту евреевъ выражается у него не только горячими воззваніями къ выдающимся людямъ Европы и Россіи, но и частными мѣропріятіями, которыми онъ думаетъ облегчить жизнь еврейскаго труженика. Его чрезвычайно занимала мысль о художествѣ въ ремеслѣ, чтобы изъ художественныхъ мастерскихъ выходили хорошіе мастера". Мнѣ хотѣлось бы, писалъ онъ Стасову, обратить вниманіе на развитіе у евреевъ индустріальныхъ издѣлій, которыя имѣютъ очень тѣсную связь съ искусствомъ, а главное—самостоятельную силу". Въ другихъ письмахъ къ тому же лицу Антокольскій постоянно возвращается къ мысли о замѣнѣ школъ мастерскими для развитія художественной промышленности. „Я хлопочу о томъ, писалъ онъ:—чтобы создать въ Парижѣ общество съ ремесленными задачами для евреевъ. Уставъ уже готовъ, и есть много сочувствующихъ этому среди самихъ ремесленниковъ, желающихъ усовершенствоваться. Но я желалъ бы, чтобы сами евреи сознавали всю важность художественнаго ремесла—это можетъ имъ дать вездѣ обезпеченіе въ жизни и примѣнять свои интеллектуальныя способности къ болѣе раціональному дѣлу. Я даже думаю, что это одно изъ главныхъ условій, которыя могутъ современемъ разрѣшить еврейскій вопросъ. Я говорю про свободный частный интеллектуальный трудъ. А кто не хочетъ быть самостоятельнымъ, тотъ долженъ быть рабомъ". Книга г. Стасова объ Антокольскомъ, такимъ образомъ, даетъ богатый матеріалъ для характеристики художника и въ спеціальной ему области, и въ сферѣ общественной и политической жизни какъ Россіи, такъ и Европы.

А. Фаресовъ.

Образы великой революціи.

„Революціонный Парижъ". — Выселеніе жильцовъ изъ Тюильри.—Кочующее національное собраніе. — Голодающій король. — Тюрьмы революціи.—„Госпитальные дома".—Отсталый маркизъ.—Сентябрьская рѣзня.—Избіеніе священниковъ. — Казнь Фукье-Тенвилля.

Жилища древнихъ римлянъ намъ, быть можетъ, извѣстнѣе, чѣмъ тѣ зданія и улицы, которыя послужили ареной французской революціи. Въ тѣ тревожныя времена врядъ-ли кому приходила въ голову мысль увѣковѣчить перомъ и карандашемъ дома и переулки, позже уничтоженные и разрушенные. Писатели занимались тогда только политикой, и самъ Ламартинъ называлъ свой трудъ о жирондистахъ „лучшимъ" потому, что тамъ говорилось исключительно о людяхъ, а не о вещахъ. „Возбудить интересъ,—пишетъ онъ,—можетъ лишь человѣческая жизнь; а вещи—мертвы".

Извѣстный французскій ученый Ленотръ, авторъ недавно вышедшихъ книгъ: „Революціонный Парижъ" и „Старыя зданія, пожелтѣвшія рукописи" — другого мнѣнія: для него живутъ и камни. Онъ заставляетъ давнымъ давно рухнувшіе дома, давнымъ-давно исчезнувшія улицы и площади вновь оживать передъ нами. Но оживаютъ подъ его перомъ и люди, которые жили въ этихъ домахъ, ходили по этимъ улицамъ. Съ не имѣющимъ себѣ подобнаго трудолюбіемъ рылся Ленотръ въ архивахъ, читалъ безчисленныя записки, дневники, замѣтки. Онъ показываетъ намъ повседневную жизнь того времени; онъ ведетъ насъ въ кабинетъ къ Робеспьеру, Дантону и Марату, въ салонъ m-me Роландъ; онъ отворяетъ передъ нами келью, въ которой готовилась къ смерти королева Марія-Антуанетта, тѣ корридоры, по которымъ она ходила къ судьямъ на допросъ, И исторія мерт-

Свѣтлѣйшій князь
Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ,
главнокомандующій военными, сухопутными и морскими силами въ Крыму съ начала войны по 15-ое февраля 1855 г.

выхъ камней становится исторіей живой человѣческой жизни, человѣческихъ страданій.

Немного есть во Франціи ученыхъ, которые могли бы разсказать, каковы были во время революціи замокъ Тюильри, Сенъ-Жерменское аббатство и Консьержери. Врядъ ли кто поэтому знаетъ, что смотрителя Тюильри, г. Мика, охватило величайшее смущеніе, когда 6 октября 1789 года скороходъ вручилъ ему извѣстіе, что король черезъ нѣсколько часовъ прибудетъ въ Тюильри, и надо приготовить для него и его свиты соотвѣтствующее помѣщеніе. Почти въ теченіе столѣтія замокъ не видѣлъ королей въ своихъ стѣнахъ; онъ служилъ жилищемъ для королевскихъ жезлоносцевъ, мелкаго дворянства, инвалидовъ, актеровъ. Нежилымъ, опустившимся, кое-гдѣ готовымъ развалиться стояло семиэтажное зданіе, по величинѣ похожее на отдѣльный городокъ, въ которомъ, кромѣ церкви, было еще нѣсколько огромныхъ магазиновъ и три театра. Несмотря на всѣ ихъ просьбы, угрозы и проклятія, многочисленные обитатели Тюильри были выставлены за дверь со всѣмъ своимъ добромъ, чтобы очистить мѣсто королю, котораго побѣдоносная революція пригнала изъ Версаля въ Парижъ. Спустя семь часовъ, король Людовикъ XVI помѣстился въ пустынныхъ, совершенно неприспособленныхъ для короля покояхъ. Королевская свита по численности равнялась небольшой арміи, и многимъ, за недостаткомъ мѣста, пришлось поселиться въ спеціально нанятыхъ для этой цѣли сосѣднихъ домахъ.

Не на много лучше обстояло дѣло и съ національнымъ собраніемъ, которое одновременно съ королемъ перекочевало изъ Версаля въ Парижъ. Ему пришлось, за отсутствіемъ другихъ помѣщеній, расположиться въ большой залѣ архіепископскаго дворца. Здѣсь, во владѣніяхъ перваго духовнаго сановника Франціи, въ день праздника католической церкви 2 ноября 1789 г., подъ предсѣдательствомъ адвоката Камюса, было постановлено, по предложенію Талейрана, о переходѣ церковнаго имущества въ руки государства. Однако національное собраніе помѣщалось въ архіепископскомъ дворцѣ всего только 90 дней; зала была слишкомъ тѣсна; многимъ было, буквально, некуда и не на что присѣсть и, въ концѣ концовъ, еще обрушилась галлерея для зрителей, причинивъ нѣсколькимъ лицамъ увѣчья. Поэтому собраніе перешло въ манежъ Тюильрійскаго замка, оборудованный предварительно для засѣданій. Здѣсь, въ собственномъ своемъ дворцѣ, Людовикъ XVI былъ выслушанъ 11 декабря 1792 г. конвентомъ. Достоинство и спокойствіе его рѣчей тѣмъ замѣчательнѣе, что въ это время король уже страдалъ отъ голода. Послѣ окончанія допроса, въ ожиданіи экипажа, который долженъ былъ отвезти его обратно въ Тампль, онъ увидѣлъ, что гренадеръ вытащилъ изъ кармана кусокъ хлѣба и подѣлился съ Анаксагоромъ Шаметтомъ, прокуроромъ коммуны. Король подошелъ къ нему и шопотомъ попросилъ кусочекъ.

— Скажите громко, чего вы желаете!— оборвалъ его Шометтъ.

И только послѣ того, какъ король громко повторилъ свою просьбу, онъ далъ ему ломоть. Король жадно съѣлъ хлѣбъ, возвратившись въ тюрьму.

Описанію тюремъ революціи, въ которыхъ иногда сидѣло до 10,000 человѣкъ, отведено въ концѣ Ленотра весьма зна-

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ,
главнокомандующій крымскою арміей съ 16-го февраля 1855 г.

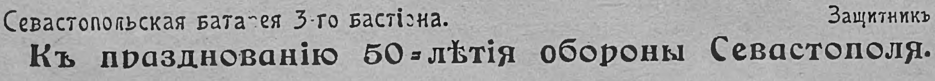
Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ,
завѣдывавшій всѣми оборонительными работами въ Севастополѣ съ сентября 1854 г.

Севастопольская батарея 3-го бастіона.

Контръ-адмиралъ
Владиміръ Ивановичъ Истоминъ.
Защитникъ Малахова кургана.

Къ празднованію 50-лѣтія обороны Севастополя.

Участники всемірнаго конгресса борьбы чахоткой.

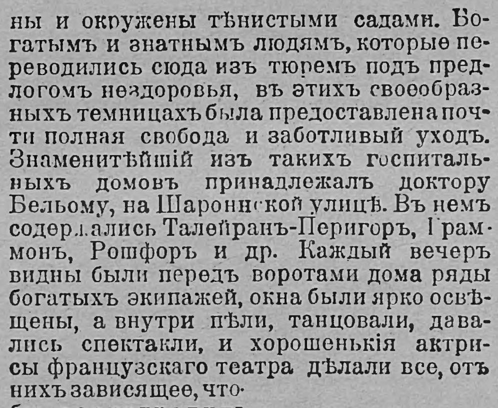

Проф. Эмиль Ру (Парижъ). Д-ръ А. Мarморекъ (Вѣна). Проф. И. Мечниковъ (С.-Петербургъ).

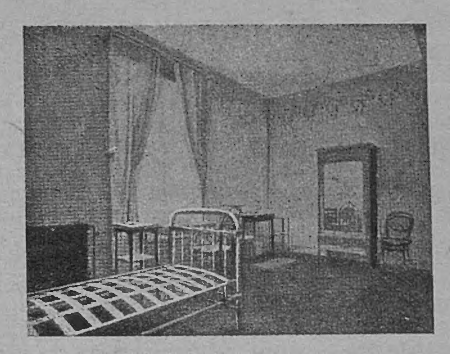

Проф. Берингъ (Марбургъ).

чительное мѣсто. Эти тюрьмы, числомъ сорокъ, весьма разнились одна отъ другой. Среди нихъ были и такъ называемые госпитальные дома (maison de santé), помѣщавшіеся большей частью въ пригородахъ. Они были роскошно обставле-

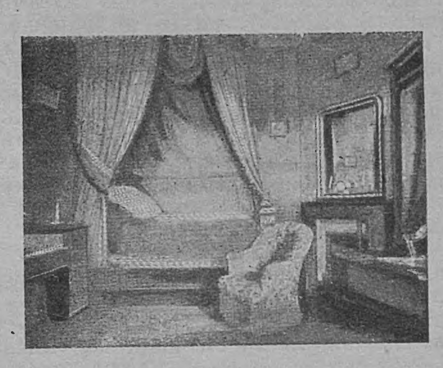

ны и окружены тѣнистыми садами. Богатымъ и знатнымъ людямъ, которые переводились сюда изъ тюремъ подъ предлогомъ нездоровья, въ этихъ своеобразныхъ темницахъ была предоставлена почти полная свобода и заботливый уходъ. Знаменитѣйшій изъ такихъ госпитальныхъ домовъ принадлежалъ доктору Бельому, на Шаронской улицѣ. Въ немъ содержались Талейранъ-Перигоръ, Граммонъ, Рошфоръ и др. Каждый вечеръ видны были передъ воротами дома ряды богатыхъ экипажей, окна были ярко освѣщены, а внутри пѣли, танцовали, давались спектакли, и хорошенькія актрисы французскаго театра дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы вознаградить знатныхъ заключенныхъ за лишеніе свободы. Въ концѣ каждаго мѣсяца д-ромъ Бельомомъ подавались счета. Въ тѣ времена, когда преслѣдуемый полиціей бѣглецъ платилъ домохозяину 20,000 франковъ за право переночевать въ домѣ, — и цѣны доктора Бельона были не малы. Въ одинъ прекрасный день герцогини Граммонъ

Гигіеническая спальня.

и дю-Шатль оказались не въ состояніи уплатить гонорара, который онъ требовалъ, а потому были вынуждены покинуть его домъ и попали въ другую тюрьму. Лишившись охраны д-ра Бельома, онѣ скоро очутились на эшафотѣ.

Анти-гигіеническая спальня.

Торжественное засѣданіе конгресса подъ предсѣдательствомъ г. Лубэ, въ главной залѣ Елисейскаго дворца.

Д-ръ Луи Мартенъ. Д-ръ Берингъ.

Въ паркѣ санаторіи въ Монтиньи.—Знаменитый германскій ученый, д-ръ Берингъ, бесѣдующій съ д-ромъ Луи Мартеномъ, директоромъ госпиталя имени Пастера.

Всемірный конгрессъ борьбы съ чахоткой въ Парижѣ.

Съ фотографій корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Какъ спокойно и пріятно протекала жизнь въ госпитальныхъ домахъ, показываетъ случай съ маркизомъ П. Вечеромъ, въ февралѣ 1787 года, когда королева Марія-Антуанетта вошла въ свою ложу въ оперѣ и трижды, какъ всегда, поклонилась въ отвѣтъ на привѣтственныя рукоплесканія публики, внезапно раздался рѣзкій свистъ, такъ что она отступила въ ужасѣ. Виновникъ, маркизъ П., былъ тотчасъ же схваченъ, но, вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ связей посаженъ не въ тюрьму, а въ одинъ изъ госпитальныхъ домовъ. Наступила революція, его родные эмигрировали за границу, его имѣнія были конфискованы, но маркизъ, содержаніе котораго оплачивалось изъ доходовъ его конфискованнаго имущества, не зналъ ничего, чувствовалъ себя въ своемъ уединеніи прекрасно и ревностно отдался изученію древней исторіи. Его товарищи по заключенію одинъ за другимъ покидали домъ, но онъ не жаловался на это: зато ему никто не мѣшалъ работать, никто не нарушалъ его раздумья во время прогулокъ по тѣнистымъ аллеямъ сада. Онъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и въ то время, какъ ножи гильотины не просыхали отъ крови, онъ ничего не подозрѣвалъ о текущихъ событіяхъ. Послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда, онъ закончилъ свое сочиненіе о паденіи Греціи. Считая его въ высшей степени удачнымъ и вполнѣ достойнымъ оглашенія, маркизъ пригласилъ къ себѣ типографщика, чтобы обсудить съ нимъ остальное. Каково же было удивленіе послѣдняго, когда онъ прочелъ на заглавномъ листѣ надпись: „Посвящается его величеству, королю Людовику XVI“.

— Вы хотѣли сказать: памяти Людовика XVI?—спросилъ онъ маркиза.

— А-а! Такъ король умеръ! Ну, такъ напишемъ: Людовику XVII.

— Да и онъ умеръ.

— Однако, есть еще и Людовикъ XVIII.

— Былъ одинъ такой, но уже давно переселился къ праотцамъ.

— Кто же, собственно, царствуетъ во Франціи?

— Король Луи-Филиппъ.

— Значитъ, этотъ Луи-Филиппъ приходится правнукомъ Людовику XVI?

— Ахъ, я право не знаю! Мы столько перевидали за всѣ эти безконечные года! Эти повелители и короли были то законными, то незаконными, то уѣзжали, то пріѣзжали, то почитались, то унижались, и простому рабочему человѣку разобраться въ этомъ никакъ невозможно. Былъ тутъ еще одинъ такой Наполеонъ. Да всѣхъ и не перечтешь!

Этотъ разговоръ происходилъ въ 1837 году, 50 лѣтъ спустя послѣ ареста маркиза П. Вотъ, какъ идиллически спокойно можно прожить во время революціи! Вѣроятно, вслѣдствіе этой бесѣды съ типографщикомъ, маркизъ П., такъ долго всѣми своими помыслами и чувствами пребывавшій въ древней Греціи, очнулся, наконецъ, во Франціи. Онъ запросилъ свободы. Но у правосудія особая память: оно можетъ забывать людей, но не ихъ проступки. А потому, 14-го мая 1837 года, маркизъ П. предсталъ предъ первой камерой гражданскаго трибунала Сены по обвиненію въ томъ, что въ февралѣ 1787 года онъ оскорбилъ величество королевы Маріи-Антуанетты. И хотя онъ былъ освобожденъ, но остался подъ сильнымъ подозрѣніемъ. Къ нему приставили даже особаго „куратора“, которому было предписано слѣдить за его поведеніемъ.

Не во всѣхъ тюрьмахъ было такъ пріятно жить, какъ въ госпитальномъ домѣ, въ которомъ добродушный маркизъ П. промечталъ полъ-столѣтія. На Сенъ-Жерменскомъ бульварѣ, подлѣ древняго собора, стоятъ еще и нынѣ нѣсколько сѣрыхъ, унылыхъ домовъ, послѣднихъ свидѣтелей сентябрьской рѣзни. Сюда приволокли многихъ осужденныхъ на смерть, чтобы изрубить въ сосѣднемъ саду. Здѣсь проходилъ нѣкогда и руководитель этой рѣзни, 29-лѣтній Станиславъ-Марія Мальяръ, торопясь послѣ кровавой работы домой, къ молоденькой женѣ. Замѣчательно, что многіе дѣятели революціи, хладнокровно отправившіе въ лучшій міръ сотни своихъ согражданъ, были прекрасными отцами: они тихо напѣвали вечеромъ колыбельную пѣсню, баюкая дѣтей; они нѣжно ухаживали за своими канарейками, подсыпая имъ корму въ клѣтки.

Въ послѣдніе августовскіе дни 1792 г. была особенно переполнена тюрьма Сенъ-Жерменскаго аббатства. Тутъ содержались не осужденные, а только подозрѣваемые, въ томъ числѣ много священниковъ, отказавшихся отъ присяги. Въ воскресенье, 2-го сентября, около трехъ часовъ пополудни, къ тюрьмѣ привалила съ крикомъ и воплями несмѣтная толпа народа, вмѣстѣ съ четырьмя повозками. Всѣ окна тюрьмы были заняты уцѣпившимися за рѣшетки людьми, которые безумными глазами, съ искаженными ужасомъ лицами, смотрѣли на бѣснующуюся толпу. Въ одной изъ повозокъ поднялся молодой стройный человѣкъ въ бѣлой рясѣ и, умоляюще простирая руки, крикнулъ:

— Пощадите! Пощадите!

Тотчасъ сверкнуло нѣсколько сабель, и его бѣлое одѣяніе ярко окрасилось кровью. Нагруженные узниками повозки остановились у воротъ аббатства. Чернь кинулась на нихъ и разорвала двадцать два человѣка изъ 80 бывшихъ на повозкахъ священниковъ. Такъ началась сентябрьская бойня.

Ленотръ удѣляетъ читателямъ кое-что изъ недавно найденныхъ замѣтокъ папскаго нунція при парижскомъ дворѣ въ революціонную эпоху, аббата Саломона, пережившаго сентябрьскіе дни. Вечеромъ 1-го сентября аббатъ Саломонъ былъ водворенъ въ Сенъ-Жерменское аббатство, переночевалъ въ переполненномъ узниками старинномъ рефекторіумѣ монаховъ, причемъ ему пришлось раздѣлить ложе съ негромъ, а на утро былъ заключенъ въ полуразрушенную церковь, въ которой содержалось почти 60 осужденныхъ, большею частью священниковъ. Съ большимъ трудомъ имъ удалось добиться обѣда; трактирщикъ, гражданинъ Ленуаръ, доставилъ столы, стулья и пищу, которая была приготовлена весьма аппетитно; въ спискѣ блюдъ, сохранившемся до настоящаго времени, упомянуты индѣйки, курицы, даже пулярки. Въ довершеніе всѣхъ благъ, пришла старая Бланшэ, вѣрная кухарка отца Саломона, и принесла его обычный обѣдъ, его серебряный приборъ, его фляжку съ виномъ, до котораго аббатъ былъ большой охотникъ. Едва успѣлъ онъ раздѣлить этотъ даръ небесъ съ голоднымъ пасторомъ, какъ церковныя двери затряслись подъ градомъ ударовъ.

— Торопитесь обѣдать! — закричалъ привратникъ.—Народъ въ аббатствѣ и убиваетъ поповъ.

Паническій ужасъ объялъ духовенство. Нѣкоторые тискались въ дверную щель. Другіе тщетно пытались добраться до высокихъ церковныхъ оконъ. Иные безсмысленно совались изъ угла въ уголъ. Слышенъ былъ глухой топотъ толпы, которая медленно приближалась къ аббатству. И вдругъ, совсѣмъ близко, прорѣзалъ воздухъ вопль какой-то старухи:

— Бей ихъ! Всѣхъ! Всѣхъ до единаго!

Шестьдесятъ священниковъ кинулись на колѣни. Сѣдой настоятель св. Іоанна Гревскаго сталъ посреди, преподалъ послѣднее благословеніе и началъ громкимъ голосомъ читать отходную. Когда онъ произнесъ: „и прими ихъ въ царствіе Твое“, изо всѣхъ угловъ церкви понеслись вздохи и рыданія... Наблюденія аббата Саломона далеко не чужды и весьма недвусмысленнаго реализма: со многими священниками случилось то, что бываетъ съ солдатами при первомъ боевомъ крещеніи, — ими овладѣла „медвѣжья болѣзнь“, и эти послѣдствія смертнаго страха сдѣлали, по замѣчанію Саломона, дальнѣйшее пребываніе въ церкви совершенно невыносимымъ. Такъ наступила ночь. Сквозь высокія окна былъ виденъ окруженный блѣдными облаками мѣсяцъ. По временамъ слышался ревъ толпы, которая убивала людей.

Около 11 часовъ ночи двери церкви были разнесены мощными ударами. Ужасъ и страхъ съ новой силой охватили священниковъ, которые опять кинулись къ высокимъ окнамъ. И такъ велика была сила предсмертнаго страха, что многимъ, въ томъ числѣ и Саломону, удалось таки въ послѣдній моментъ влѣзть на окна! Они спустились по другую сторону стѣны и очутились въ маленькомъ дворѣ безъ всякаго выхода. Немедленно схваченные пьяными людьми, они, среди насмѣшекъ и оскорбленій, были протащены черезъ дворъ, сады и мрачный коридоръ въ низкую, освѣщенную факелами, комнату, въ которой засѣдало народное судилище за покрытымъ зеленой скатертью столомъ. Начался допросъ. Первымъ подвергся ему сѣдой священникъ церкви св. Іоанна Гревскаго.

— Присягалъ ты народу?

— Нѣтъ, не присягалъ.

Блеснула сабля. Парикъ аббата полетѣлъ на землю. На обнаженномъ черепѣ выступила красная полоса. Старикъ зашатался, свалился на земь. Но все еще свистѣли въ воздухѣ сабли, въ тактъ послѣднимъ содроганіямъ безсильнаго старческаго тѣла. Наконецъ, его выбросили вонъ, чтобы толпа видѣла трупъ. Аббатъ Саломонъ опустился на скамью и, сквозь смертельный ужасъ ожиданія послѣдней минуты, видѣлъ, какъ изъ 63 священниковъ 60 было изрублено. Было ужъ утро, когда до него дошла очередь. Между тѣмъ, Мальяръ, самый жестокій и самый рьяный изъ дѣятелей этого дня, сложилъ съ себя предсѣдательство. Онъ казался очень утомленнымъ: можетъ быть, ему опротивѣлъ видъ крови, а можетъ, онъ спѣшилъ къ молодой женѣ. Во всякомъ случаѣ, этой перемѣнѣ въ настроеніи Мальяра папскій нунцій былъ обязанъ своей свободой и жизнью.

Сентябрьскія убійства произошли въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ и близлежащемъ кармелитскомъ монастырѣ, а вовсе не въ Консьержери, какъ обыкновенно думаютъ и пишутъ. Консьержери служило, между прочимъ, и женской тюрьмой. Здѣсь королева Марія-Антуанетта провела свои послѣдніе часы. Еще теперь показываютъ келью, въ которой она пріютилась, и картинки, изображающія смерть королевы, еще висятъ тамъ на стѣнахъ. Эта часть зданія была въ позднѣйшее время совершенно перестроена, и даже „достовѣрная“ исторія о послѣдней обѣднѣ, которую королева слушала въ своей кельѣ, оказывается явной выдумкой.

Помѣщеніе это, во времена Людовика XIV, служило для собраній парламента. Сюда однажды явился „король-солнце“ въ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстомъ въ руки и здѣсь произнесъ знаменитую фразу: „государство—это я“. Отсюда-же пошли на смерть и послѣдніе защитники королевской власти, здѣсь отправлялъ свою кровавую должность Антуанъ-Квентинъ Фукье-Тенвилль. Сынъ помѣщика въ Херуэлѣ, онъ долгое время бѣдствовалъ въ Парижѣ, и своей должностью общественнаго обвинителя обязанъ только своему знакомству съ главными дѣятелями революціоннаго времени. Его служебная ревность въ комитетѣ общественнаго спасенія достойна всякаго удивленія; по его собственному выраженію, онъ работалъ, какъ волъ, не имѣя даже ночью покоя. Шестьсотъ связокъ актовъ, относящихся къ процессамъ, которые онъ велъ, и понынѣ хранятся въ національномъ парижскомъ архивѣ; тутъ каждый листокъ про

шелъ чрезъ его руки, вездѣ пестритъ его подпись, и особенно часто бросается въ глаза его собственноручная помѣтка красными чернилами: hic (вотъ),—латинское слово, которымъ онъ отмѣчалъ мѣсто въ обвинительномъ актѣ, достаточное, по его мнѣнію, чтобы послать подсудимаго на гильотину. Позже онъ, какъ будто, спохватился, сообразивъ, что внушаемый имъ ужасъ падетъ на его же голову. Но отступленіе было отрѣзано, и онъ махнулъ на все рукой. По временамъ, боясь угрызеній совѣсти, Фукье-Тенвилль запивалъ. Въ этомъ состояніи онъ становился прямо ужаснымъ; и съ хохотомъ провожалъ осужденныхъ до самой повозки, доставляющей ихъ на мѣсто казни. Разъ, напившись, онъ шелъ по мосту.

— Смотрите, смотрите! Въ Сенѣ вода покраснѣла, какъ кровь!—вдругъ вскрикалъ онъ, схвативъ сво го спутника за руку.

— Лучше-бы я остался въ Херуэлѣ,— вырвалось у него въ другой разъ.

И ему вспомнился отчій домъ съ голубятней, вѣтряныя мельницы, далекія поля, среди которыхъ онъ провелъ свое беззаботное дѣтство.

Пробилъ часъ, и Фукье-Тенвилль вошелъ въ Консвержери не какъ всемогущій прокуроръ, а какъ арестантъ. Заключенные осыпали его такими насмѣшками, проклятіями и оскорбленіями, что смотритель тюрьмы поспѣшилъ перевести его въ отдѣльную, весьма мрачную камеру. Всю ночь въ дверь къ Фукье-Тенвиллю ломились съ криками и ругательствами ожесточенные узники.

„Никто не берется защищать меня--, писалъ онъ своей женѣ изъ тюрьмы дю-Плесси, куда былъ перевезенъ позже,— и даже, въ случаѣ моего освобожденія, мнѣ не найти на земномъ шарѣ уголка, гдѣ-бы я могъ спокойно преклонить голову.

17 Флореаля III года (6 мая 1795 г.) онъ былъ привезенъ на площадь для казни вмѣстѣ съ 15 своими шпіонами. Въ это сѣрое утро народъ толпами стекался сюда со всѣхъ концовъ города, радостнымъ воплемъ привѣтствуя позорную колесницу. Какая-то красивая женщина вскарабкалась на самую повозку и, выпрямившись во весь ростъ, несмотря на толчки и ухабы мостовой, всю дорогу проклинала и оскорбляла рыдающимъ голосомъ убійцу своего мужа. Фукье-Тенвилль, поблѣднѣвъ, смотрѣлъ ей въ лицо остановившимся взглядомъ. Онъ видѣлъ, какъ умерли его 15 сообщниковъ. Наконецъ, упала подъ ножемъ и его голова. Палачъ Самсонъ подхватилъ ее и показалъ ликующей толпѣ.

Фукье-Тенвилль былъ набоженъ. Послѣ смерти его дочери, Эмиліи, скончавшейся въ 1856 году въ Сенъ-Квентинѣ, былъ найденъ на ней медальонъ съ изображеніемъ Богоматери, который, какъ гласитъ вырѣзанная на его обратной сторонѣ надпись, былъ на груди у Фукье-Тенвилля въ тотъ самый день, когда онъ вынесъ смертный приговоръ вдовѣ Маріи Антуанеттѣ Капетъ.

Женскій конгрессъ въ Берлинѣ.

Въ концѣ сентября состоялось въ Берлинѣ третье общее собраніе союза прогрессивныхъ женщинъ Германіи.

Первое засѣданіе было назначено въ 9½ часовъ утра. и открылось съ точностью, весьма поучительной для представителей не только слабаго, но и сильнаго пола, начались привѣтствія делегатокъ отъ многочисленныхъ мѣстныхъ кружковъ, обществъ и ферейновъ.

А привѣтствовать было кого.

Сплошное море женскихъ головъ и головокъ заливало огромный залъ „дома архитекторовъ" занятый до послѣдняго уголка. Густыми рядами стояли члены въ вестибюлѣ, во всѣхъ проходахъ и закоулкахъ. Звонкій, хотя и подавленный шумъ голосовъ рѣялъ въ спертомъ воздухѣ, и въ этомъ шумѣ чуялся страстный интересъ къ предстоящимъ преніямъ.

Въ противоположность женскому конгрессу 1904 года, въ которомъ главное участіе принимали художницы, учительницы и, вообще, женщины съ опредѣлившимся призваніемъ,—въ нынѣшнемъ конгрессѣ участвовали женщины всѣхъ слоевъ населенія, всѣхъ возрастовъ и положеній. Тутъ были и хозяйственныя матери семействъ съ истощенными заботой лицами, которыя охотно присоединились бы къ требуемой конгрессомъ реформѣ брака ради своихъ сыновей и дочерей,—особенно, вспомнивъ о собственной супружеской жизни. Были тутъ, и въ весьма почтенномъ количествѣ, и женщины-врачи, и женщины-филологи, и учительницы. Собралось множество дѣвицъ, и просто молодыхъ, и слишкомъ молодыхъ, и даже слишкомъ старыхъ. Есть тутъ дѣвушки, которыя еще не отказались отъ брачнаго ярма, которое скоро должно навсегда исчезнуть; есть такія, которыя побѣду надъ мужчиной поставили цѣлью жизни, не мало, наконецъ, и такихъ, которыя никогда не почувствуютъ потребности въ радостяхъ семейнаго очага и материнствѣ, такъ какъ считаютъ себя по натурѣ предназначенными къ общественной или научной дѣятельности. Всѣ онѣ стоятъ и сидятъ теперь бокъ-о-бокъ, связанныя однимъ и тѣмъ же интересомъ къ вопросу о бракѣ.

На эстрадѣ размѣстились предсѣдательницы конгресса: д-ръ Анита Аугсбургъ, Лида Г. Хехманъ, Миника Кауэръ и д-ръ Кэтэ Ширрмахеръ.

Засѣданіе открывается спокойной рѣчью г-жи Кауэръ. Она дѣлаетъ краткій очеркъ дѣятельности и принциповъ союза прогрессивныхъ женщинъ и указываетъ разницу между ними и феминистками. Главной цѣлью прогрессивныхъ женщинъ является духовное и умственное развитіе женской личности.

Громъ аплодисментовъ нѣкоторое время мѣшаетъ Маріи Лишневской начать свой рефератъ: „Реформа брака".

— Можно-ли реформу брака, какъ онъ есть теперь, провести такъ, чтобы для будущихъ женщинъ бракъ явился благопріятной почвой для ихъ развитія и дѣятельности?

Такова основная тема г-жи Лишневск й. На этотъ вопросъ референтка вынуждена отвѣтить отрицательно. Современный бракъ есть историческій продуктъ перехода отъ частнаго хозяйства къ народному, которое вырвало изъ рукъ женщины всякое оружіе экономической борьбы. Нѣкогда мужчина и женщина оба были производителями. Теперь капиталистическій строй сдѣлалъ ненужной прежнюю заботу женщины о приготовленіи пищи, одежды, топлива и т. п. Слѣдствіемъ этого было экономическое рабство женщины, повлекшее за собой невозможное правовое положеніе жены и матери, поздніе браки, расцвѣтъ проституціи, браки по расчету, искусственное ограниченіе числа дѣтей въ образованныхъ семьяхъ. Поэтому, главное—реформа экономическихъ основъ брака.

Женщины должны стать совершенно самостоятельными, экономическая ихъ зависимость отъ мужчины должна быть уничтожена; въ семьѣ должны быть не одинъ, а два кормильца. Бракъ фабричной работницы является, такимъ образомъ, не „уродливымъ порожденіемъ современнаго соціальнаго строя", какъ полагаю ъ нѣкоторыя, а типомъ новаго брака. Приготовленіе пищи на товарищескихъ началахъ должно заступить мѣсто нынѣшней единоличной кухонной стряпни. Гигіена материнства, научная организація пріютовъ для грудныхъ младенцевъ, дѣтскіе сады, распространеніе и примѣненіе общественно-педагогическихъ началъ воспитанія,—все это обезпечитъ для дѣтей здоровье и силу. Т гд мать будетъ больше матерью для своего ребенка, чѣмъ теперь. И мужчина долженъ это признать и даже бороться за эту реформу.

Вѣдь она принесетъ ему возможность ранняго брака и истинную дружбу, товарищеское единеніе съ женой.

Г-жа Кэтэ Ширрмахеръ выступила противъ г-жи Лишневской съ антирефератомъ на ту же тему.

— Мы стремимся къ одной цѣли съ Лишневской, — заявила она: — но разными дорогами. Я считаю призывъ къ внѣ-семейной жизни теоретическимъ заблужденіемъ, практически совершенно непреодолимымъ... Если, въ концѣ концовъ, все будетъ общее, то гдѣ же, въ чемъ же проявится личность, то свободное развитіе личности, къ которому такъ стремится нашъ вѣкъ? Заслуги женщины, какъ хозяйки, жены и матери,—весьма велики, и не оспариваются ни однимъ мужчиной. Женщина создаетъ семью, вліяетъ на цѣлыя поколѣнія. Своей любовью, своей личностью она дѣйствуетъ на семью и кладетъ на нее отпечатокъ того уюта, красоты и удобства, которыхъ не можетъ дать никакая прислуга. Дѣло, призваніе, сами по себѣ, не дали счастья ни одному мужчинѣ. Пріюты для грудныхъ младенцевъ и дѣтскіе сады никогда не будутъ въ состояніи замѣнить материнскую любовь и нѣжность. Гдѣ, наконецъ, тотъ грандіозный рабочій рынокъ, который окажется способнымъ дать заработокъ всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя нынѣ живутъ „безъ заботъ", т. е. въ роли хозяекъ-женъ и дочерей? И развѣ заработная плата будетъ достаточно велика, если даже допустить подобную вещь? Затѣмъ—общественная кухня! Почему женятся иногда самые закоренѣлые холостяки? Изъ страха передъ рестораннымъ катарромъ желудка. Ихъ не могли привязать цѣпи изъ розъ, но дюжины домашнихъ сосисокъ они порвать не въ силахъ... Мать должна постоянно быть около своихъ дѣтей. Какая она мать, если она полдня работаетъ внѣ дома! Идеалы, поставленные Лишневской, суть соціалъ-демократическая утопія, которая потребуетъ для своего осуществленія цѣлыхъ столѣтій. Экономическая независимость жены отъ мужа должна существовать, но и жена должна оставаться хозяйкой дома. Но этой независимости женщины могутъ добиться только поднятіемъ уровня своей образованности и знаніемъ практической жизни.

Г-жу Ширрмахеръ привѣтствовали такіе же громкіе аплодисменты, какъ и г-жу Лишневскую, но дальнѣйшія пренія показали, что сочувствіе собранія на сторонѣ послѣдней. Говорили, что мужчина такъ же хорошо можетъ смотрѣть за хозяйствомъ, какъ и женщина. Жаловались, что семейныя обязанности приковываютъ женщину толстой цѣпью къ такъ называемому домашнему очагу...

Послѣ перерыва д-ръ Елена Штокеръ прочла рефератъ на тему о психологическихъ мотивахъ реформы брака.

Какъ извѣстно, мужчина искони былъ тираномъ женщины и, какъ таковой, имѣетъ на женщину самое развращающее вліяніе. Мужчинѣ тяжело дается самосознаніе, и его одностороннее мышленіе необходимо исправлять всѣми силами. Оба пола не должны развиваться въ противоположныхъ направленіяхъ. Во что бы то стало, нужно найти пути и средства, чтобы дать порабощенной духовной женщинѣ полноту жизни, возможность соединить материнство съ духовной дѣятельностью. Если это удастся, бракъ, по выраженію Гете, будетъ не только началомъ, но и вершиной всякой культурности...

Второй день конгресса былъ посвященъ разбору и критикѣ правового поло

Т. Н. Грановскій.
(1813 4/X 1855).
(Къ 50-лѣтію дня его кончины).

женія современной женщины. Господство мужчины, такъ рѣзко обнаруживающееся въ жизни, отразилось и въ правовыхъ нормахъ. Прежде всего необходима женская адвокатура. Тамъ, гдѣ для женщинъ открыты юридическіе факультеты университетовъ, гдѣ онѣ могутъ почерпнуть необходимыя юридическія познанія,— тамъ едва-ли можно что-либо имѣть противъ того, чтобы женщину защищала на судѣ женщина. Вѣдь и нынѣ судьи допускаютъ къ защитѣ мужчинъ не-юристовъ. Почему же нельзя допустить женщинъ-юристовъ?

Равнымъ образомъ желательны женщины-судьи и женщины-присяжные. По крайней мѣрѣ, хоть тогда, когда обвиняемыя—женщины. Нѣмецкіе юристы все еще высказываются противъ допущенія женщинъ къ судопроизводству, но въ другихъ странахъ на это смотрятъ гораздо шире. Между тѣмъ, нѣмецкую юстицію вовсе нельзя считать самой лучшей. Скорѣе наоборотъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ юридическая программа конгресса, конечно, еще не вполнѣ выяснена. Такъ, напримѣръ, рефератъ д-ра Фриды Дюнзингъ, „Уголовное право о несовершеннолѣтнихъ", вызвалъ горячій отпоръ со стороны присутствующихъ. Дѣло въ томъ, что г-жа Дюнзингъ приняла для наказанія несовершеннолѣтнихъ уголовныя нормы нѣмецкаго юридическаго общества, которыя въ свое время были отвергнуты, какъ негодныя, наиболѣе передовыми юристами, но, конечно, представляютъ собой значительное улучшеніе по сравненію съ существующимъ законодательствомъ. Само собой понятно, что члены конгресса съ негодованіемъ отвергли эти нормы, осуждающія несовершеннолѣтнихъ, которые являются непосредственнымъ продуктомъ дурной семьи, на 15-лѣтнее тюремное заключеніе, которое навсегда разобьетъ молодую жизнь. Большинство женщинъ, послѣ горячихъ споровъ, въ которыхъ особенное участіе приняли г-жи Аугсбургъ, Лишневская, Сельма, Фридлэндеръ и двое мужчинъ: Блэмъ и Герляхъ, пришло къ заключенію, что судебное преслѣдованіе несовершеннолѣтнихъ должно принять абсолютно новыя формы.

ГИГІЕНИЧЕСКАЯ СПАЛЬНЯ.

Для широкаго распространенія какой-нибудь полезной вещи нужно одно—чтобы она вошла въ моду. Это случилось въ Лондонѣ съ „гигіенической спальней", и всѣ, разумѣется, отъ нея безъ ума. Всѣ находятъ, что старомодная, увѣшанная тканями спальня „серьезно" вредна для здоровья; ковры, гардины и прочія украшенія отвергнуты съ презрѣніемъ. Перина осуждена навсегда за свою не-гигіеничность. Въ складкахъ портьеръ, въ пушистыхъ коврахъ скрываются смертельные недуги. Уютные пологи укорачиваютъ жизнь. И теперь у большихъ лондонскихъ мебельщиковъ можно найти все, что удовлетворяетъ самымъ придирчивымъ требованіямъ гигіены. Такъ какъ въ раскрытое окно вмѣстѣ съ воздухомъ проникаетъ пыль, уголь, чадъ, то современная спальня снабжена тончайшей газовой сѣткой для оконъ, которая, не задерживая воздушныхъ токовъ, не пропускаетъ постороннихъ примѣсей. Разрѣшены лишь простенькія занавѣски изъ батиста или гипюра, которыя можно смѣнять хоть каждый день. Стѣны расписываются водяными красками, преимущественно свѣтлыхъ тоновъ: свѣтло-зелеными, не содержащими въ себѣ мышьяка, или свѣтло-лазоревыми. Все дерево—исключительно бѣлое. Вмѣсто ковровъ и и половиковъ — раскрашенныя японскія цыновки. Приверженцы „простой жизни", созданные новой модой, спятъ, конечно, не иначе, какъ на волосяныхъ матрацахъ, подъ шерстяными одѣялами.

Е. Б. Грановская,
супруга историка.

Самое новое спальное ложе дѣлается изъ ажурнаго дерева. Въ крайнемъ случаѣ, довольствуются простой дубовой кроватью.

БОРЬБА СЪ ТАБАКОМЪ.

Испанское правительство пришло къ убѣжденію, что замѣчаемое въ послѣднее время пониженіе уровня народной жизнеспособности стоитъ въ прямой связи съ неумѣреннымъ потребленіемъ табака, особенно молодежью. Въ Испаніи рабочая молодежь дурно питается и отличается слабостью тѣлосложенія. Кромѣ непосредственнаго вреда, который при этихъ условіяхъ приноситъ куреніе табака, есть еще и косвенный, но не менѣе значительный вредъ, заключающійся въ томъ, что большая часть заработанныхъ денегъ тратится не на предметы первой необходимости, напримѣръ, пищу, а на табакъ. Среди испанской молодежи широко распространена чахотка, и это обстоятельство нельзя не поставить въ связь съ предыдущими соображеніями. Впрочемъ, Испанія не единственная страна, гдѣ замѣчается оппозиція табачному зелью. Многіе медицинскіе отчеты приводятъ поразительныя данныя о дѣйствіи табака на молодыхъ солдатъ. Особенно любопытны изслѣдованія англійскихъ и американскихъ врачей. По отзыву англійскаго военнаго врача Тейвера, куреніе папиросъ достигаетъ у молодыхъ рекрутовъ такихъ размѣровъ, что серьезная борьба съ этимъ истощающимъ недозрѣлый организмъ зломъ представляется государственной необходимостью.

Женскій конгрессъ въ Берлинѣ.
Бюро конгресса — (Слѣва направо) 1) Марта Шне (Бромбергъ), 2) Д-ръ фил. К. Ширрмахеръ (Парижъ), 3) Л. Гейманъ (Гамбургъ), 4) Ад. Вельченъ (Берлинъ), 5) Д-ръ фил. Шенеръ (Берлинъ), 6) М. Лишневская (Шпандау), 7) Д-ръ юрис. А. Аугсбургъ (Мюнхенъ), 8) М. Кауеръ (Берлинъ).
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Галерная, № 40. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Проппер.